

Х.И. Уста

**Некоторые замечания
к изданию среднеазиатского тефсира**

Памяти А.К. Боровкова (16.03.1904–15.11.1962)

В 1963 г. был издан труд Александра Константиновича Боровкова «Лексика среднеазиатского тефсира XII–XIII вв.» (по рукописи из г. Карши), который стал ценным источником по истории средневековых тюркских литературных языков и до сих пор широко используется тюркологами. В 2001 г. совместно с коллегой из Азербайджана мы издали турецкий перевод книги А.К. Боровкова. За время работы с фотокопией рукописи и при подготовке этого перевода у меня накопилось некоторое количество поправок и замечаний. Следует отметить, что некоторые из таких поправок оказались важными с точки зрения как исторической лексикологии тюркских языков, так и сравнительно-исторической грамматики этих языков. В статье сделана попытка показать причины возникновения выявленных неточностей, проведена их классификация и даны их характеристики.

Ключевые слова: Коран, тефсир, лексика, лексикология, историческая фонетика, рукопись.

В 1963 г. был издан труд Александра Константиновича Боровкова «Лексика среднеазиатского тефсира XII–XIII вв.» (по рукописи из г. Карши), который стал ценным источником по истории средневековых тюркских литературных языков и до сих пор широко используется тюркологами. Кроме того, это издание сыграло свою роль в изучении переводов Корана и его толкований на тюркские языки.

Указанная рукопись тефсира хранится в Отделе рукописей и документов Института восточных рукописей РАН, ее фотокопия имеется также в библиотеке Турецкого лингвистического общества в Анкаре.

В 1989 г. на основе этой фотокопии мною была выполнена полная транскрипция среднеазиатской версии тефсира с соответствующими комментариями, представленная в качестве магистерской диссертации.

В 2001 г. совместно с коллегой из Азербайджана мы издали турецкий перевод книги А.К. Боровкова.

За время работы с фотокопией рукописи и при подготовке этого перевода у меня накопилось некоторое количество поправок и замечаний, которые были включены в турецкое издание как приложение. Также были обнаружены незначительные упущения, существенно не влияющие на прочтение рукописи тефсира.

Однако нами был выявлен ряд неточностей, которые, с нашей точки зрения, необходимо устранить, чтобы верно передать в транскрипции оригинал рукописи. Следует отметить, что некоторые из таких поправок оказались важными с точки зрения как исторической лексикологии тюркских языков, так и сравнительно-исторической грамматики этих языков.

Общее число таких поправок коснулось 245 словарных статей в издании А.К. Боровкова.

В статье сделана попытка показать причины возникновения выявленных неточностей, проведена их классификация и даны их характеристики.

Представляется, что статья не только знакомит наших коллег с особенностями турецкого перевода ценнейшей работы А.К. Боровкова, но позволит использовать предложенные уточнения в их практической деятельности при создании исторического словаря средневековых тюркских памятников как продолжения начатой А.К. Боровковым работы, а представленный материал будет полезен для уточнения выводов по исторической фонетике и морфологии языков.

Выявленные в словарных статьях поправки и замечания можно сгруппировать следующим образом, если принимать во внимание причины их появления в тексте издания 1963 г.

Напомним, что среднеазиатский тефсир содержит подстрочный перевод Корана начиная с суры XVIII и комментарии к кораническому тексту, которые представляют собой либо небольшие рассказы на сюжет соответствующей суры, либо комментарии к отдельным стихотворным строкам. Рукопись из Карши — аноним: имена автора тюркского комментатора и переписчика неизвестны, также неизвестно и время и место появления самого перевода и создания рукописи. Среднеазиатский тефсир как памятник мусульманской культуры не является исключением, науке известен целый ряд таких памятников.

Сравнение азиатского тефсира с аналогичными памятниками, известными по другим хранилищам рукописей, прежде всего в Турции, говорит о том, что рукопись из Карши переписана, вероятно, в первой половине XIV в. и относится к достаточно ранним.

Что касается языка этого памятника тюркского литературного языка средневековья, то по многим признакам составление перевода и комментариев можно отнести к XI в. или к самому началу XII в. Именно архаичность языка «Тефсира» делает этот памятник таким ценным источником для тюркологии, поскольку этот тюркский язык, существовавший в XII–XIII вв. на территории современной Средней Азии, стал той диалектной базой, на которой позднее сформировался литературный язык эпохи Алишера Навои и Бабура и который оказал влияние на сложение тюркского литературного языка в Малой Азии.

Итак, мы продемонстрируем некоторые из предлагаемых нами поправок к прочтению и толкованию слов в издании среднеазиатского «Тефсира», осуществленного А.К. Боровковым. В статье мы даем, естественно, только некоторые примеры из общей выборки поправок.

I. Сначала мы выделим группу слов нетюркского происхождения, в фонетическую транскрипцию или в толкование которых следует внести ряд поправок. Это прежде всего, конечно, слова, заимствованные из арабского и персидского языков (или через них), хотя в языке тефсира встречаются заимствования и из других языков, например из монгольского.

а) Лексемы, вошедшие в издание в неверной транскрипции:

asanliq ~ asanlik. Хотя данные слова в рукописи имеют схожее написание, корни слов *asan-liq* и *asan-lik* различны: в одном случае корень тюркский (как указывают словари Севортяна и Клосона), а в другом — персидское заимствование. К тому же мы имеем дело с двумя разными понятиями: *asan* ‘здоровье; благополучие, благо, мир’; *āsān* ‘легкость, несложность, облегчение, удобство, комфорт, возможность’ (Севортян, 1974, с. 308).

Этимологический словарь также отвергает аналогичность корней этих слов: “The spelling *asan*, which is common in Uyğ., is probably an aberration. Not to be confused with Pe. *asan* ‘easy’, but see Doerfer II 478” (Clauson, 1972, p. 248).

acam → ‘Acam. Первый гласный слова — не передний, а задний.

luw’lu → lü’lü’ ‘жемчуг’. В рукописи, конечно, есть буква و. Но ее прочтение не обязательно: здесь буква воспроизводит гласный, а не согласный звук.

ruriya → rufiya ‘рупия’. В тексте рукописи четко написано: (روفیه).

б) Слова, вошедшие в «Лексику» с неверными прочтениями и толкованиями:

çur → savç (< араб.) ‘муки, мучения; напасть’. Здесь буква و передает согласный, а не гласный. Кроме того, автор предполагал, что это тюркское слово и дал ему значение ‘молва’. Из контекста выясняется, что точнее указанное выше значение: ‘...чтобы мы спасались от его (т.е. пророка) мучения “...qayuda erse Muhammedni yalıñız balsa-sizlar öldürüñlar, anıñ çavrindin qurtulalm tip.”

qol I → qavl (< араб. قول) ‘слово, уговор; толкование’. Здесь буква و означает согласный, а не гласный звук. Кроме того, автор понял его как тюркское слово и придал ему значение ‘сторона’. В контексте выясняется, что речь идет о толковании текста, т.е.: ‘...но вернее *объяснение*, что жил он [сто лет]’ = “ve İkin dūrūstrak **qavl** ol turur kim...” Боровков перевел: ‘но правильное (утверждает) та **сторона**, что жил он [сто лет]’.

qut → quvvat. В тексте рассказывается о героизме одного бойца по имени Шемсун. Поэтому речь шла о силе героя, а не о счастье, как предполагал тогда автор. По семантике предложения прилагательное (‘azım) к слову (qut) не подходит.

в) Толкования, не соответствующие арабскому тексту Корана:

calallıq → halällıq. Контексту не соответствует приведенное значение ‘величие’. В Коране говорится: ‘А когда кончена будет молитва, то расходитесь по земле и ищите милости Аллаха...’ (Коран 62:10); к этим стихам дается толкование: „Tağı bu amr turur qamuğ kasbler **halällıqıñğa**“.

В тексте рукописи четко написано: (حلال ليق).

yaz → yād. В тюркских языках существует слово yaz- ‘писать’ только в форме глагола и нет существительного «писание». К глагольному слову не может прибавляться аффикс склонения существительных, как в тюркском имеется в тексте. К тому же арабский текст (من ذکر) заставляет нас прочесть слово как (yād) ‘упоминание’.

г) Слова, отсутствующие в словарном фонде арабского языка:

qimmatlu → qumatlü. В рукописи нет никакой огласовки, в том числе шадда, чтобы прочесть слово (qimmatlu). В современных тюркских языках, особенно в узбекском и казахском, имеется слово qimmat/qimbat, но его фонетическая форма возникает в позднее времена; в ранних памятниках не существует такого произношения.

malikat → milkat. Мы сталкиваемся со словами-омографами: их написание одинаковое, а прочтение и значение — разные. Это значит, что имеются два разных понятия: *milkat* означает ‘государство’, тогда когда *malikat* — ‘королева’; см. (Steingass, 1998, с. 1310а).

д) Слова, отсутствующие в словарном фонде персидского языка:

bayran → bīrān. (بیران). Здесь буква ی означает согласный, а не гласный. По-персидски *vīrān* тоже синонимичные слова.

közarla- → güzārla-. (كوزار لامش). Одно и то же слово написано в разных местах по-разному. Можно сделать анализ слова таким образом:

güzār (перс.) + *-la-* (словообразовательный аффикс) = *güzārla-* (глагол).

Издатель ошибался по причине того, что переписчик пользовался гласными не только в тюркских, но и персидских словах: كوزار لاش.

tañ II → tang (< перс.) Это слово имеет значение ‘скудный, ограниченный’ в персидском языке. Поэтому в транскрипции нельзя употреблять знаки носового согласного (ñ). В «Лексике» приводятся примеры из современных тюркских диалектах, но мы можем принять такие примеры вместо заимствования из персидского языка.

tura (?) → tarā (< перс.). Это слово имеет значение ‘высокая стена, земляная насыпь, вал’ в персидском языке. В сущности, автор «Лексик» поставил пометы [?]; это означает, что он не уверен в прочтении. Хотя в рукописи четко написано слово (تراسيندا). Полный текст: ...tavāf qılurlar büstān[n]uñ tarāsında.

II. Следующая группа — это исправления, касающиеся тюркской лексики.

е) Слова, вошедшие в издание в результате неверного прочтения рукописи или в ошибочной форме, в частности, в неточной огласовке или транскрипции:

börklük → türlüg-(din). В этом месте тюркского текста необходимо сделать небольшую конъектуру, хотя в рукописи четко написано دين لوك بورك. Однако если обратиться к арабскому тексту Корана и сравнить его с тюркским переводом, то следует исправить написание приведенного тюркского слова; ср.: «...а когда Мы низведем на нее воду, она приходит в движение и разбухает и выращивает всякие прекрасные пары» (Коран 22:5). Принимая смысл этого аята как исходный пункт, можно решить, что переписчик, может быть, перепутал и вместо буквы ت выписал букву ب. И так получается верный вариант: *türlüg(din)* (دين تورلوك) → ...*öndürgey kim tegme türlüglük(din) körklüg* ‘...прекраснее из разнообразного’. Лексема *türlüg* ‘разный, различный’ в «Тефсире» встречается.

bürkük → bir köki. Данный случай является примером прочтения словосочетания как одного слова, поскольку в рукописи интервалы между словами часто не выдерживаются. В этой словарной статье *bürkük* необходимо разделить на два слова и правильно прочитать: ...*Andın ol arıqıñ bir kökiniñ icārātıqı yulduzlar saqışınça bolğau*. К тому же издатель снабдил это слово вопросительным знаком, значит, он не был уверен в своем прочтении.

çöra → çavğa. Прочтение **çöra** ошибочно; в рукописи «Тефсира» четко написано (سندہ جورہ). Здесь буква و означает согласный, а не гласный. Если принять во внимание исторические процессы в тюркских языках, то нам остается единственное прочтение *çavğa* как ‘круг, окружность, округа’.

ariglik → arklig. Издатель снабдил вопросительным знаком и прочтение, и значение (покой?), следовательно, он был не уверен в своем толковании слова. Чтобы прочесть правильно слово и понять значение из текста Корана, во-первых, необходимо принять во внимание сложный глагол *arclig bol-* ‘стать сильным, могущественным’. Во-вторых, учитывать содержание аята: «Он — тот, кто сотворил небеса и землю в шесть дней, потом *утвердился* на троне» (Коран 57:4).

artak → arnak. Здесь также аналогичный случай: два вопросительных знака у А.К. Боровкова. В исторических источниках не отмечено слово *artak*, однако есть другое слово *arnak* ‘палец’. В результате получается такое предложение: *arnakin imladi anñ tapa ya ‘ni ‘Isā tapa...* ‘А она указала на него’ (Коран 19:29). Раньше на этот факт указал еще один исследователь: „Tef.84 *artak* ‘sign’ is a misreading and a misinterpretation for *arnak*...“ (Eckmann, 1976, p. 79).

iñqraq → iñanraq. В тюркских языках нет такого слова, но есть слово *iñan*, обозначающее понятие множества. А -raq — распространенный в средневековых тюркских диалектах аффикс с функцией усиления семантики прилагательных со значением ‘еще, еще более (в большей степени)’. В итоге: „Atası niçe pend berse erdi üç taqı artuqraq, iñanraq qılur erdi“.

sanağın → sat(1)ğ-(in). Слово (у Боровкова с вопросом) не зарегистрировано. Правда, в тексте это место читается плохо (سنغين), но все-таки можно заключить, что здесь, исходя из смысла всего контекста, предпочтительнее читать satığ ‘торговля’. В таком случае получаем текст: Bir qurtğa bir anbān un **satğın** alıp kalürde yel qatıg boldı ‘Когда одна старуха купила мешок муки и несла к себе, ветер окреп’.

tamlıg → tumlıg. В тюркских памятниках встречаются два типа письменной традиции: одна — арабская, другая — уйгурская. В арабском типе необязательно использовать буквы و ا, в уйгурском типе они обычно используются чуть ли не в каждом слоге. Переписчик тефсира здесь перепутал или забыл выписать гласный و. Поэтому издатель также прочитал текст без гласного — tamlıg (تمليغ) и связал слово с корнем tam ‘капля’. Эта этимология — ошибочная. Если обратить внимание на то, что в тексте говорится о сперме, то найдем слово tumlıg с соответствующим значением. С другой стороны, это слово является производным образованием на-: *tumlıg suw* букв. ‘тусклая, мутная вода’; ср.: *uđıg, uđıg suw*.

ж) Слова, вошедшие в издание «Лексик» с ошибочными прочтениями и толкованиями:

açluğluq → açuğluq. В манускрипте четко написано اچلوغلوق. Однако здесь явно описка переписчика, который добавил лишнюю букву «лям». Мы можем исправлять слово на açuğluq, не обращая внимание на ту лишнюю букву лям: اچوغلوق. Кроме того, в тюркских языках açluğ имеет значение не ‘открытость’ или ‘очевидность’, а именно ‘голод’.

adlu → edlü yinçü. Издатель дает ссылку на статью atlıg ‘именуемый, называемый’. В историческом плане словоформы adlu и atlıg одновременно существовать в период создания перевода не могли, поскольку первая из них является продуктом позднейшего развития в среде языков огузского типа. Кроме того, из контекста видно, что в рассказе речь идет о ценности сирот, можно исправлять текст таким образом: *ya’ni şarafı uluğ kim bir ya’ım, edlü yinçü bolur. Anıñ qıymatın kimsa qılu bilmez* ‘сирота является ценным жемчужом...’

ađuğ → ođuğ. Слово в манускрипте написано так: اذوغ. Алиф в памятнике может означать гласные (a/e) и (i/i), иногда — (o/ö) или (u/ü). Издатель верно установил значение, соответствующее контексту, — ‘осторожный, внимательный’ (араб. وليتلف). Однако он его неправильно огласовал: должно быть ođuğ, а слово ađuğ означает ‘трезвый’, и оно не соответствует содержанию предложения.

aytuş- → yetlüş-. Чтение aytuş- не может быть верным, потому что глагол aytuş- — переходный, а здесь дополнение без показателя винительного падежа -ni. Предложение, зафиксированное в манускрипте, такое:

بو خبر لشكرا يتلوشدى Буква алиф ошибочно переписчиком приближена к сказуемому, последнему слову, а должно относиться к предыдущему (аффикс направительного падежа). Тогда текст такой: *Bu habar laşkara yetlüşdi kim* ‘Abdullāh bin Ubayy mundağ söz aytıp turur... ‘Об этом известии *сообщили* войску, что, дескать...’

bağla- → uıgla-: В предложении говорится о плачущем ребенке. В первом слоге вместо буквы ي написана буква ب, поэтому и возникли неверные прочтение и значение слова: *uıglağan oğlan yeti kün uıglamağay* ‘постоянно плачущий ребенок семь дней не будет плакать’.

çoq: bu çoq → buçuq ‘половина’. Здесь мы встречаемся с ошибочным членением одного слова на два, которое возникло из-за трудности чтения рукописи. Текст такой: Muni maña bergil, saña *buçuq* batman altun berayin ‘...я дам тебе полубатман золота’.

sez- → siz-. В этой статье совмещены два разных слова. Первое должно быть глаголом siz- ‘болеть, ныть; чахнуть’, потому что в предложении есть словосочетание etim siz-ar ‘мое тело болеет’. Во втором примере в этой статье словоформа siziñ — родительный падеж от местоимения siz ‘вы’, потому что там есть изафет: Biliñ siziñ içiñizdakini Tañri rasûli... ‘Узнайте того, кто в середине вас, посланника Аллаха...’.

soquđ → su quduđı. Тот же случай, когда из-за графических трудностей манускрипта соединились два слова. Верное предложение такое: *Suv quduđı* suw bolur, qaunar ‘Колодец станет (полным) водою, будет кипеть’; ср.: «Ходят они между ней и кипящим кипятком» (Коран 55:44).

з) Слова, которым дано неверное толкование:

qirbaha → qañıça. Слово **qirbaha** ‘лягушка’ к тексту не подходит. В комментариях к Корану это слово не отмечено, напротив, слово **qañıça** ‘муравей’ встречается несколько раз. Поэтому мы предлагаем прочесть слово как qañıça. В манускрипте слово написано так: قرینچا.

qum → qom ‘волна’. Если обратить внимание на содержание текста, то предпочтительнее слову придать значение ‘волна’, а не ‘песок’: *teñiz suwi qom urar teg qom koptı* (129b,12) ‘как волны моря бушуют, так поднялась волна’.

sawla- → sö[z]la-. В этой статье четко видна ошибка переписчика. Он забыл одну букву — ز. В манускрипте слово написано так: سولاسا, а я думаю, что должно быть سوزلاسا, и предлагаю такое чтение: Hiç kimarsaniñ zahrasi taqı bolmas erdi kim ‘Ömar üskünda sö[z]lasa. К тому же нигде в «Тефсире» не встречается глагол sawla- ‘говорить’.

türk → tiriğ. В манускрипте слово tiriğ написано или как تيريك или как تيرك, согласна уйгурской письменной традиции. К сожалению, здесь переписчик не использовал гласный, следуя арабской письменной традиции: ترك. Тогда посмотрим на контекст и предложим свое чтение. В тексте речь идет о прорицании Varaka, тот говорил Мухаммеду: *Tiriğ bolsam erdüm, saniñ birla ğazıliq qılğam erdi* ‘Если я был бы живой, вместе с тобой боролся бы за веру’.

Приведенные примеры несколько не умаляют ценности издания уникальной рукописи среднеазиатского тефсира, которое осуществлено А.К. Боровковым. Все наши замечания укладываются в те сложные случаи, с которыми сталкивается любой издатель письменных памятников. Совершенно очевидно, что с накоплением новых языковых данных, появлением и изданием новых рукописей, списков известных памятников, с развитием палеографии и текстологии будут появляться дополнения к предшествующим прочтениям.

Отдавая дань памяти крупному ученому-тюркологу Александра Константиновичу Боровкову, мы еще раз можем высказать ему признательность за введение в научный оборот одного из интересных памятников среднеазиатской тюркской культуры, которая длительное время оказывала сильное влияние на историю сложения тюркских литературных языков средневековья.

Литература

- Боровков А.К.* Лексика среднеазиатского тefsира XII–XIII вв. М., 1963.
Коран. Перевод И.Ю. Крачковского. М., 1990.
Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. М., 1974.
Clauson G. An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish. Oxf., 1972.
Eckmann J. Middle Turkic Glosses of The Rylands Interlinear Koran Translation. Budapest, 1976.
Steingass F. Persian-English Dictionary. Beirut, 1998.
Usta H.İ. Orta Asya'da Bulunmuş Kur'an Tefsirinin Söz Varlığı. Ankara, 2002.

Summary

Halil Ibrahim Usta

Some Remarks re the Edition of the Central Asian Comment of Koran. In memory of A.K. Borovkov (16.03.1904–15.11.1962)

“The Lexicon of Central Asian Comment of Koran of the 12th–13th Centuries” (after the manuscript from Karshi) by A.R. Borovkov was published in 1963 and became a valuable source on the history of medieval Turkic literary languages and is widely used till now. In 2001, together with the colleague from Azerbaijan, we published A.K. Borovkov’s Turkish translation of the book. During the preparation of this translation and having the photocopy of the manuscript I have collected a number of amendments and remarks. It is necessary to note that some of these amendments have appeared to be important for historical lexicology of the Turkic languages, and comparative-historical grammar of these languages as well. The article shows the reason of the revealed discrepancies, gives their classification and characteristics.